

Глава XXIV.

Большевицкое предательство

По некоторым признакам можно было догадаться, что Ленин и другие сановники режима, заключенное с махновцами соглашение считали чисто временной выгодой, и оно могло продолжаться только на период, необходимый для разгрома Врангеля. Относительные уступки повстанцам были направлены только на то, чтобы вызвать их доверие, несмотря на известный 4-й пункт политической части соглашения, который предусматривал в принципе автономию «Махновии», употребляя выражения советских историков. Этот пункт был отложен и должен был обсуждаться непосредственно с Кремлем. Троцкий указывает в своих воспоминаниях, изданных, правда, посмертно, что он «не раз обсуждал с Лениным вопрос о возможности предоставления анархистам известных частей территории для производства, в согласии с местным населением, их безгосударственных опытов. Но условия гражданской войны, блокады и голода оставляли слишком мало простора для подобных планов»¹³¹¹.

Виктор Серж также упоминает об этом проекте Ленина и Троцкого, но по непрямо-му источнику – по цитированному выше тексту Троцкого. В своем комментарии Виктор Серж утверждает, что «это было бы справедливо, умело и, возможно, такая широта взглядов помогла бы революции избежать трагедии, к которой мы шли¹³²²». Очевидно, для Ленина и его приближенных вовсе не стоял вопрос о том, чтобы допустить такой эксперимент: это означало бы признать поражение их собственной способности решить проблемы страны. Подобное было совершенно непостижимо для тех, кто знал путь Ленина, начиная с его роли в расколе с меньшевиками в 1903 г. до ссор, полемики, расколов и других приемов, которые вынесли его на гребень власти. Власть свободных советов на восточной Украине! Она немедленно распространилась бы на всю территорию страны, и картонный замок, называемый «рабоче-крестьянским правительством» и удерживаемый силой штыков, пуль-в-затылок, вмиг бы разлетелся, и в памяти трудящихся он остался бы только ужасным кошмаром.

Рассмотрим объяснение, данное по этому поводу Гусевым и Яковлевым, подписавшими соглашение со стороны большевиков. Первый считает, что «Только тогда, когда Красная Армия на врангелевском фронте настолько окрепла, что была в силах справиться с ним самостоятельно, Махно предложил Советскому правительству "военный союз" против Врангеля; кулак испугался за захваченную им у помещика землю. Предложение было принято не для того, чтобы иметь лишнюю силу на фронте – она там была не нужна, – а

чтобы на время избавиться от врага в тылу. Как только Врангель был разгромлен, "союз", естественно, распался, ибо пролетарской революции по пути с кулаками только в борьбе с помещиком, а дальше их пути резко расходятся»¹³³³.

Здесь мы можем видеть, как события непосредственно «переодевают» в другие слова: «предложение» Махно, «не обязательная» сила на фронте, как и полнейший цинизм объяснения «совершенно естественного разрыва» соглашения – значит, было известно с самого начала, какой линии придерживаться в этом отношении. Второй большевик, подписавший соглашение, Яковлев, пишет в 1921 г. по случаю I-го съезда красного профсоюзного Интернационала, куда были приглашены анархо-синдикалисты, брошюру, полную язвительных нападок на русских анархистов и особенно на Махно. В ней он кратко рассказывает о своей собственной роли в момент соглашения и ссылается на объяснения Фрунзе о разрыве, вину за который возлагает только на неправоту Махно на основании некоторых действий против красной армии, совершенных в разных местах на Украине. Он возмущается солидарностью остальных анархистов с Махно, которого представляет как бандита не заслуживающего никакого уважения¹³⁴⁴. Конечно, – мы видели это по отношению к белым в Крыму, – большевики не отличались христианской добродетелью прощения обид, но тем не менее! Показать таким образом, что соглашение, которое они подписали, было для них лишь куском бумаги – это похоже на методы Бисмарка и других практиков *realpolitik* и представляло собой новое явление в русских революционных кругах. Вскоре оно будет возведено в систему государственной политики.

Что касается махновцев, не питая иллюзий «ни о длительности, ни о прочности соглашения» (Аршинов), они, несмотря ни на что, думали, что союз продлится три или четыре месяца, и рассчитывали воспользоваться этим сроком, чтобы лучше ознакомить трудящихся Украины с предпочтениями анархистов и показать по контрасту несоответствие предложений большевиков. Если существовала возможность конфликта, повстанцы предвидели его прежде всего в идейном плане.

Махновцы возлагали также большие надежды на общий конгресс анархистов, который должен был состояться в конце ноября в Харькове. Именно из-за этого часть их делегации задержалась в городе и воспользовалась этим, чтобы принять участие в митингах и обсуждениях, собиравших многочисленную аудиторию, на которых члены делегации, особенно Виктор Попов, высказывались без обиняков о необходимости вернуть власть местным советам и об осуществлении 4-го пункта соглашения, до сих пор не вступившего в силу. Делегация издавала газету Голос махновца, в которой знакомила со своими концепциями, а также со своими упреками против ленинской власти. В третьем и последнем номере от 21 ноября, в редакционной статье было заявлено, например: «выполняя свой долг перед социальной Революцией, махновцы нанесли Врангелю ряд смертельных ударов. Мы требуем от советского правительства Украины и Великороссии честного исполнения пункта 1 нашего договора – немедленного освобождения всех махновцев и анархистов, томящихся поныне в тюрьмах и лагерях Советских республик».

По свидетельству Аршинова, ординарец Махно в то время, Григорий Василевский, узнав 15 или 16 ноября о прорыве Каретником оборонительных линий Врангеля в Перекопе, воскликнул: «Конец соглашению! Ручаюсь чем угодно, что через неделю большевики будут

громить нас»¹³⁵⁵.

Еще более показательный факт: махновцы арестовали 23 ноября в Гуляй-Поле и Пологах девять шпионов из 42-й дивизии красных, расположенной неподалеку. Те признались, что были посланы своей разведывательной службой, чтобы установить точное место жительства Махно, членов штаба и совета повстанцев, а также командиров махновских частей. Они должны были оставаться на месте до прихода красной армии и немедленно указать эти дома или же неотступно следовать за махновскими руководителями, которых не окажется дома. По их словам, следовало ожидать удара по Гуляй-Полю 24 и 25 ноября. Повстанцы немедленно обратились к Раковскому и военному руководству красных в Харькове, чтобы потребовать ареста и наказания командования 42-й дивизии и запретить прохождение красных частей через Гуляй-польский район, чтобы избежать возможного инцидента. Харьков ответил 25 ноября, утверждая, что это лишь недоразумение, которое выяснит совместная комиссия¹³⁶⁶. На самом деле, увидев, что их заговор стал известным, большевики решили начать наступление следующей ночью.

Секретарь Совета махновских революционных повстанцев, Петр Рыбин, позвонил 26 утром Раковскому, чтобы узнать, как обстоят дела с предложенной комиссией. Раковский ему ответил, что все будет спокойно улажено, как и спорный 4 пункт, тогда как он точно знал, что атака против махновцев и анархистов уже началась этой ночью. Вся махновская делегация – Виктор Попов, Буданов и Хохотва – была арестована, отправлена в Москву и расстреляна. Кубанин комментирует их расстрел в следующих словах: «Москва с махновщиной не шутила и с нею не возилась».

Всего во время этой операции в Харькове арестовали 346 махновцев и анархистов, 40 отправили в ЧеКа в Москву. Среди них были Середа, один из приближенных Махно, Зинченко, командир 2-го кавалерийского полка, Колесниченко, командир повстанческого отряда, Кузенко, командир одного из пехотных полков, все они были предательски схвачены. Узнав об этом предательстве, Рыбин вновь позвонил Раковскому и выразил ему свое возмущение; благодаря этому телефонному звонку ЧеКа удалось узнать его местонахождение, он был арестован и вскоре расстрелян. Почти все члены украинской анархистской организации «Набат» были также арестованы и посажены в тюрьму: Волин, Мрачный, Барон, Давид Коган, Иосиф Готман, Богуш и другие. Кубанин вновь комментирует эту облаву на анархистов лаконичными словами: «Набат был ликвидирован органами ЧеКа»¹³⁷⁸.

В тот же день Гуляй-Поле атаковала 42-й дивизия, то есть пять бригад пехоты и кавалерии. Вторая линия окружения состояла из 2-го кавалерийского корпуса, Волжской бригады и двух специальных полков. Несмотря на некоторые меры предосторожности, принятые накануне, Махно удивился неожиданностью этого наступления; он располагал в Гуляй-Поле только своей личной охраной, черной гвардией, составлявшей около 150 человек. Взятый в клещи, он оказался окруженным со всех сторон, конец казался близким, когда вдруг после обеда, одно красное подразделение вдруг снялось со своих позиций. Опасаясь ловушки, Махно колебался, затем, видя, что путь свободен, вышел из окружения через эту неожиданную брешь. Советские историки объясняют это чудесное спасение изменой командира одной из красных частей. Таким образом, вероятно, увидев, что от них

требовалось, часть красноармейцев солидаризировалась с махновцами, и если официальные лица говорят о предательстве, это значит, что некоторые из этих красноармейцев, в частности их командиры, должны были заплатить своей жизнью за проявление революционной солидарности.

Третьему махновскому полку, стоявшему в Малой Токмачке, повезло меньше: он почти целиком попал в плен к 126-й дивизии, бригаде и красному кавалерийскому полку. Махно контратаковал и отбросил противника к Ново-Успеновке. Среди многочисленных частей красных началось замешательство: интернациональная кавалерийская бригада, занявшая Гуляй-Поле, была атакована 27 ноября другими бригадами 42-й дивизии, которые считали, что имеют дело с повстанцами. Только после целого дня столкновений недоразумение выяснилось¹³⁸⁹! Махно немедленно перегруппировал различные повстанческие подразделения. Красноармейцы, которым опротивело поведение командиров, переходили на его сторону или сдавались в первом же бою. Таким образом, был сформирован отряд численностью 1000 кавалеристов и 1500 пехотинцев. Гуляй-Поле было взято обратно к концу недели, войска 42-й дивизии опрокинуты, так как, осознавая теперь, какое им было поручено дело, красноармейцы не хотели больше сражаться или делали это нерешительно. Так, из 6000 красных солдат, разоруженных в день взятия села, треть присоединилась к махновцам. Гуляй-Поле было взято, увы, с опозданием на несколько часов, большевистские фанатики успели расстрелять 300 местных крестьян.

В Крыму инструкции Москвы выполнялись с таким же усердием. Уже 17 ноября, сильный повстанческий отряд анархиста Мокроусова, который выполнил важные партизанские операции в тылу Врангеля, был поставлен под прямое командование 4-й армии и слит с регулярными частями. В тот же день секретным приказом армия Махно, то есть отряд Каретника, также была переведена под управление 4-й армии и должна была немедленно выступить на Кавказ воевать против восставших казаков¹³⁹¹⁰. Это происходило, конечно, без ведома главных заинтересованных лиц. Каретник и его штаб, изолированные от отряда, были вызваны 25 ноября якобы на совещание в Гуляй-Поле, по дороге арестованы и расстреляны на месте. Гавриленко, начальник штаба Каретника, был «убит», что, вероятно, значит, что он был ликвидирован при попытке оказать сопротивление. В следующую ночь в 1 ч. 35 мин. началась атака против отряда. Есть предположение, что часть повстанцев была окружена чекистскими подразделениями и уничтожена перекрестным огнем нескольких сотен пулеметов¹⁴⁰¹¹, но основной части удалось прорвать окружение незадолго до начала атаки при обстоятельствах, о которых рассказывает Ефимов, красный военный специалист по антимахновской борьбе:

“Так или иначе, но для нас стало ясным, что Махно готовится какую-то авантюру и что разрыв с ним неизбежен и необходим. Исходя из этого, был составлен план окружения Махно и его двух групп: крымской и тыловой. Крымской группе Каретникова было приказано занять побережье Крыма от Саки до деревни Замрук (см. схему № 2 – А.С.), что и было ими выполнено. Красноармейские части должны были окружить махновскую группу, с каковой целью происходила перегруппировка частей, которые к 26-му

ноября расположились: 3-й конкорпус в составе 3-х кавдивизий в районе Таксаба-ст. Княжевичи-Мейлерчик-Докума Аблам, 62-я дивизия: 154 бригада в районе д. Сарабузы, 155 бригада в районе Александровка-Тобе Чокрак-Кульчук и 156 бригада в районе Чуйче-Чуюнча-Анна-Эли. Третий конкорпус и 52-я дивизия получили задачу не допустить махновцев прорваться на север и северо-восток, 30-я дивизия: 88-я бригада в районе Аджи-Ибрам-Азек, 89 бригада в районе Атман-Сарыль Кият и 90-я бригада-Симферополь. Отдельная огневая бригада-Симферополь. 30-й дивизии дана задача не допустить прорыва противника к востоку. 51-я дивизия: 151-я бригада в районе Бахчисарай, 152 бригада в районе ст. Альме, 153 бригада в районе Агач-Эли-Куджук Эли-Тарханлар, кавбригада дивизии на левом фланге 153 бригады. Дивизии было приказано не допустить прорыва противника к югу. В северо-западной части Крыма находилась стрелковая латышская дивизия, в районе Перекопа, 1-я стрелковая дивизия и в районе ст. Джанкой-ст. Сиваш-ст. Чонга-ст. Ново-Алексеевка 2-я стрелковая донская дивизия. Всем дивизиям, непосредственно окружавшим махновскую группу, было приказано 27-го ноября наступать на махновский отряд и уничтожить его. В это время другая группа красноармейских частей, названная мелитопольской группой, имела задачей уничтожить тыловую группу махновцев, расположенную в районе Гуляй-Поле – Малая Токмачка – Пологи – Воскресенка. Общее наступление мелитопольской группы было назначено на 26-е ноября. К вечеру 25-го ноября части мелитопольской группы заняли исходное положение для перехода в наступление. 42-я дивизия: 125-я бригада в районе Петропавловка-Вербовое, 126-я бригада в районе хутора Работин-Орехов, 124-я бригада в районе Сладкая Балка-Втор Копани. Один полк 124-й бригады был оставлен в городе Б. Токмак для захвата английской махновской батареи. Богучарская отдельная стрелковая бригада в районе Конские Раздоры-Федоровка; Интернациональ-ная отдельная кавбригада в районе деревни Ново-Николаевка – ст. Макаренко. 3-я запасная кавбригада должна была наступать из района Б. Яннеаль через деревню Ново-Успеновка на Гуляй-Поле. Все перечисленные части составили первое кольцо окружения, имея общую задачу наступать на Гуляй-Поле с целью уничтожить противника. Второе резервное кольцо составили: Заволжская кавбригада, расположенная на ст. Синельниково, два стрелковых полка «Вохр», стоявших на ст. Гришино и ст. Юзово, и второй конкорпус, прибывший из Крыма в район Волноваха. К этому времени 1-я конармия направлялась на север из Крыма и находилась главными силами 26-го ноября в районе города Бериславль-Каховка, 4-я кавдивизия остановилась в районе Гавриловка-Веселая (см. схему № 4). В резерве мелитопольской группы находилась сводная дивизия курсантов, прибывшая к 26-му ноября из Крыма в район Мелитополя. Конечно, план окружения мог удалиться только при наличии внезапности, активности и большой инициативы со стороны

Красной армии. В свою очередь активность и инициатива могли быть проявлены лишь после тщательной подготовки красноармейских частей. Особенно требовалась солидная политическая подготовка. Надо было хорошенько разъяснить, почему Красная армия после достигнутого соглашения все-таки принуждена уничтожить махновцев. Однако подготовка частей к предстоящей операции сводила на нет элемент внезапности. Так оно фактически и вышло. Махновцы за несколько часов до наступления были предупреждены о готовящемся на них нападении и сумели его парировать и отчасти избежать. Конечно, невозможно предположить, что махновцы не понимали, для чего красноармейские части располагаются вокруг их группы. Вечером, с наступлением темноты, 26-го группа Каретникова собралась и направилась к шоссе Симферополь–Перекоп. По дороге, встретив 7-ю кавдивизию, махновцы ее разбили и свободно прошли д. Джума-Аблам. 7-я кавдивизия 3-го конкорпуса оказала слабое сопротивление, благодаря неожиданному и вдобавок ночному удару. Остальные кавдивизии конкорпуса во время не помогли. После обнаружения прорыва немедленно вслед уходящим махновцам на север был брошен 3-й конкорпус и части 52-й дивизии. Однако части 3-го конкорпуса преследовали противника вяло и нерешительно. Части 5-й кавдивизии, ввязавшись 27-го в бой с махновцами в районе Джума-Аблам, теснили их, но положительного результата не достигли, взаимодействия между дивизиями 3-го конкорпуса не было никакого, следствием чего махновцы спокойно дошли до Армянского Базара к вечеру 27-го ноября. Отсюда махновцы разделились на 2 группы: одна прошла беспрепятственно к северу через Сиваш, другая прошла у Перекопа, мимо незначительных и небоеспособных частей первой стрелковой дивизии, очутившись утром 28-го ноября у деревни Строгановка, куда прибыли обе группы. Таким образом, махновцы вышли из Крыма в двое суток, совершая в сутки 65 верст с арьергардными боями. Латышская дивизия, двинутая 27-го на помощь 1-й стрелковой дивизии, подойти не успела, 52-я дивизия и даже 3-й конкорпус отстали. Инициативы частями проявлено не было. Все ждали только приказов и тогда только действовали. Действия носили вялый и нерешительный характер. Такой же неудачей окончилось окружение и тыловой группы махновцев, хотя начато оно было с большим успехом, чем в Крыму.¹⁴¹¹²

Ефимов, не колеблясь, противоречит сам себе и указывает дату 27 ноября для того, чтобы она соответствовала оправданию официального приказа Фрунзе, якобы изданного 26-го (эту дату указывают другие советские источники), затем он объясняет, что махновцам понадобилось два дня, чтобы пересечь Крым, прежде чем они вернулись утром 28-го на континент. Военная точность, которую следовало продемонстрировать, плохо сочеталась с высшими политическими мотивами. Отметим также разворачивание чрезвычайно больших сил со стороны большевиков против этой небольшой махновской армии; оно, вероятно, было пропорционально страху красных командиров, которые еще помнили исключительные

боевые подвиги повстанцев в борьбе против белых. Кроме того, Ефимов не мог не признать нерешительность красных частей в выполнении этой грязной работы. Все солдаты отлично знали, с кем они имели дело и не верили ни единому лживому слову из «баек» своих командиров о якобы имевшем место предательстве Махно и другим выдумкам; поэтому они с неохотой думали о том, что придется воевать против своих боевых побратимов. Так что, трудно представить себе, несмотря на высокую боеспособность махновцев, что они смогли пройти плотный заслон более чем из 200 000 красноармейцев, отделявший их от Перекопского перешейка, не принимая во внимание нежелания солдат красных воевать против повстанцев. Впрочем, Ефимов признает, что махновцы заранее были предупреждены красноармейцами о том, что замышлялось против них. Факт неоспоримый. Это состояние духа не прошло незамеченным для главного командования красных, которое, должно быть, свирепствовало; по сообщениям Газеты красноармейца, 2300 красноармейцев были расстреляны в это время в Крыму по обвинению в «подрыве правого дела советской власти и отважной красной армии¹⁴²¹³». Это значительная цифра, если сравнить с потерями, понесенными при взятии Перекопа: 8000 убитых и 1200 раненых. Ниже, Ефимов оценивает численность личного состава махновцев в момент выхода из Крыма в 4000 человек; это может служить подтверждением тезиса об истреблении тысячи повстанцев в ночь с 25-го, оставшихся отрезанными от своих товарищей и не успевших избежать чекистских пулеметов.

Чтобы оправдать это предательство, Фрунзе издал, прежде всего, приказ, датированный 24 ноября и адресованный красным войскам. В нем он упоминает о сообщении от 23-го ноября, призывавшем махновцев раствориться в регулярных частях красной армии. Он возводит целый ряд обвинений против них: им вменялся в вину подрыв тыла красной армии, отвлечение красноармейцев от выполнения долга, совершение преступных действий против большевистских отрядов и красных военнослужащих и отказ выполнить приказ о переброске на Кавказ, который им якобы был отдан 20 ноября. Попутно он присвоил себе и своей армии всю заслугу победы над белыми. Махновцам он дал срок в два дня для выполнения его приказов. Тот факт, что одновременно он отдал приказ своим войскам: «С махновщиной надо покончить в три счета. Всем частям действовать смело, решительно и беспощадно. В кратчайший срок все бандитские шайки должны быть уничтожены, а все оружие из рук кулаков изъято и сдано в государственные склады»¹⁴³¹⁴, вызывает беспокойство и одновременно является показательным; он доказывает, что это, несомненно, фальшивка, состряпанная задним числом ради оправдания.

Эта грубая фальшивка была дополнена вторым приказом, изданным 26 ноября в 1 ч. 35 мин. утра в Харькове и утверждавшим, что приказ от 23-го не был выполнен махновцами, и что, напротив, Махно начал выступать против советской власти, вследствие чего он и его войска объявлены «врагами революции и советской власти¹⁴⁴¹⁵». Этот приказ кажется менее прозрачным чем первый, но он не был официально обнародован в тот же день, поскольку появился в большевистской прессе только 15 декабря: дата была изменена, что легко понять; следовало предупредить эффект неожиданности, как признал выше Ефимов. Махновцы о нем узнали значительно позже, по чистой случайности, читая большевистскую прессу. А эти призывы провокационного характера были написаны под руководством самого Ленина; главнокомандующий фронтом Сергей Каменев свидетельствует об этом в своих воспоминаниях¹⁴⁵¹⁶: идет ли речь о союзе против Врангеля или о приказах Фрунзе, все

было разработано с его согласия и по его директивам. Ответственность лежит, таким образом, на самом высоком уровне: на ареопаге партии и самом Ленине. Несмотря на то, что Фрунзе снял свою подпись. В его представлении это были лишь мелкие грешки, его заботило, прежде всего, как заслужить похвалу верховного вождя, затем как получить несколько медалей, чтобы подняться в иерархии аппарата. Вскоре колесо повернется и он, в свою очередь будет «сброшен в яму» большим предателем, чем он сам.

Тактика власти состояла в том, чтобы возложить ответственность за разрыв соглашения на махновских повстанцев, хотя те, как мы видели, показали самую строгую порядочность в соблюдении заключенного договора. Мы же располагаем ранее не публиковавшимся свидетельством из первых рук, и добавим даже, веским, так как его автор Марсель Оливье. Он был одним из французских основателей III Интернационала, главным переводчиком писаний Розы Люксембург на французский язык и, на протяжении долгих лет, активным членом французской компартии, до резкого разрыва с ней в 30-е годы. Он находился в то время в России и был приглашен в числе других французских представителей, среди которых находились Альфред Россмер, Жак Садуль и Анри Барбюс, прибыть на Украину и присутствовать при разгроме Врангеля. Прибыв на место, он продолжил путь отдельно, на грузовике; таким образом, остановившись где-то в чистом поле, «[он увидел] как вдруг из-за холма появился отряд всадников. [Они] ринулись на нас с такой скоростью, что прежде чем мы успели двинуться с места, чтобы взобраться на грузовик и схватить находившиеся там винтовки, они уже были здесь. Верхом на быстрых маленьких лошадях, вооруженные до зубов: на плече карабин, сбоку сабля, на поясе кинжал, на груди накрест пулеметные ленты, а на головах огромные меховые шапки. У них был вид, внушающий опасение и даже ужас»¹⁴⁶¹⁷.

Оказалось, что это были махновцы; Марсель Оливье и его спутники подумали, что им пришел конец, так как они не знали о только что заключенном соглашении между большевиками и махновцами, но прибывшие обошлись с ними очень дружески, и они смогли спокойно продолжить путь. Они прибыли в Мелитополь и присутствовали в здании штаба на вечере, где Оливье увидел «группу офицеров, занятых оживленной дискуссией! В центре стоял парень лет двадцати пяти, на которого, казалось, наседали остальные, и который увлеченно и с огоньком отвечал на вопросы и аргументы собеседников. Я спросил у Виктора Таратуты [который говорил по-французски] о чем дискуссия. Он мне объяснил, что это офицер из дивизии Махно, недавно присоединившейся к красной армии, и что он защищает свою анархистскую точку зрения перед остальными. Так как я обратил внимание на увлеченность, с которой он это делал, Таратута мне заявил следующее: «Когда мы покончим с Врангелем, мы его расстреляем» [...] вот так этот образцовый революционер [Таратута], этот 100% большевик, которого Богданов и Луначарский обвиняли в связях с охранкой, и которого сам Ленин в разговоре с профессором Рожковым назвал его «сутенером», заявил мне дословно сказанное выше. Естественно, я был шокирован подобным заявлением. Но, по правде говоря, не принял его всерьез. Я подумал, это просто слова, брошенные на ветер. Расстрелять человека, который сражался бок о бок с вами и с которым вы только что подписали в надлежащей форме соглашение, только за то, что его убеждения не совпадают с вашими, это было бы низостью, на которую в то время я считал большевиков неспособными. Я в этом ошибался, как стало ясно позже»¹⁴⁷¹⁸.

Марсель Оливье вскоре пересек Перекопский перешеек и удивился, не увидев следов боев, которые вели белые в этих на первый взгляд неприступных укреплениях. Только когда он узнал, что белые были атакованы с тыла благодаря переходу махновцев и других красных частей через Сиваш, он понял, таким образом, положение дел, и счел «еще более возмутительным отношение, которому были подвергнуты вскоре махновцы». Затем он узнал о разрыве соглашения, и по прибытии в Мелитополь ему сообщили о судьбе молодого махновского офицера, которого он видел спорящим с красными офицерами: «Накануне, перед выстроеным в каре гарнизоном, его 1) отметили в приказе по армии за отличное поведение в бою, 2) приговорили к смерти за бунт против советской власти. Приговор был немедленно приведен в исполнение. Относительно самого факта: отметить человека в приказе по армии за отличное поведение в бою и затем расстрелять, – дадим возможность самому читателю оценить его. Что касается меня, скажу, что это мне показалось подлым»¹⁴⁸¹⁹.

Одновременно, Оливье узнал о поражении наступления на Варшаву, которое скрывалось на протяжении пяти месяцев! Это ценное свидетельство, так как нет совершенно никаких оснований подозревать Марселя Оливье в каких-либо симпатиях к анархистам или махновцам, в то время он придерживался очень ортодоксальных взглядов и возмущался только некоторыми подлыми средствами, не ставя под вопрос сам принцип природы власти. Уже цитированный выше Жан Ксидиас, либеральный буржуа, мало искушенный в идеологии, говорит очень прозаически об «огромной жажде власти», чтобы объяснить поведение большевиков:

“ Власть как таковая, власть как цель, вот доминирующая идея большевиков, доктрина которых освобождала их от любых сдерживающих начал. Мораль, право, справедливость, все это «буржуазные предрассудки». Отсюда полнейшее безразличие в выборе средств; отсюда чудовищная аморальность советского режима, проявляющаяся во всех мелочах большевистской жизни и политики; отсюда использование ими в войне, до революции, самых низменных приемов: предательства, измены.¹⁴⁹²⁰

Не останавливаясь детально здесь на возможных объяснениях поведения большевистских руководителей, напомним их главное оправдание, а именно то, что на них возложена миссия решающей важности для будущего человечества, и что для ее выполнения «все им казалось дозволенным». Эта формулировка развязывала руки для использования всех видов господства, известных в то время, концентрируя в своих руках наилучшее, – то есть наихудшее – для того, чтобы удержаться у власти. Однако они не постигли до конца этот механизм, так как он поизносился и начал давить уже их самих так же трагически, как мы увидим это ниже. Речь здесь идет, ни более, ни менее, как об определяющем этическом отношении между поставленной целью и средствами, используемыми для ее достижения.

Аршинов показывает также, со своей стороны, неопровержимую преднамеренность большевистского предательства; он напоминает в связи с этим о двух покушениях на Махно,

совершенных в октябре и ноябре, затем приводит две листовки, найденные 27 ноября у первых плененных красноармейцев и озаглавленные: «Смерть махновщине!» и «Вперед против Махно!», без дат, но полученные солдатами 15 или 16 ноября 1920 г.

Таким образом, к большому несчастью, махновцы в который раз вытаскивали «каштаны из огня» исключительно в пользу большевиков и заплатили за это очень дорого. Теперь они вынуждены были отчаянно сражаться в худших условиях за свое выживание.

